

ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ МЫСЛИ

П. СОРОКИН ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

ПОДГОТОВКА ТЕКСТОВ И КОММЕНТАРИЙ И. А. ГОЛОСЕНКО

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Первая монография П. Сорокина «Преступление и кара, подвиг и награда» (1913 г.) вызвала множество благожелательных откликов. Впрочем, в некоторых из них попадались и упреки. Так, поздний представитель субъективной школы А. А. Гизетти указывал молодому автору на неоправданное игнорирование им русской социологической литературы, тем более, что кое-какие важные идеи его книги были сформулированы ранее П. Лавровым и Н. Михайловским. «Когда же мы научимся ценить своих крупных основателей социологии в России», — недоумевал рецензент (1). Сорокин учел это замечание. Он с ранних пор дисциплинировал свой ум, стремясь непредвзято относиться к конструктивному критику. За последующие три года из-под его пера появились рецензии и статьи о крупных русских социологах — Н. К. Михайловском, Л. И. Петражицком и М. М. Ковалевском.

Тем не менее, на знаменитом диспуте по «Системе социологии» в 1920 г. другой представитель субъективной школы, патриарх русское социологии Н. И. Кареев среди ряда критических замечаний в адрес бихевиористической модели Сорокина особый упор сделал на напрасное пренебрежение им разработками русской социологии, что особенно бросалось в глаза при изобилии ссылок в обоих томах трактата Сорокина на иностранные источники (2). Сорокин вновь поднял перчатку — через два года он напишет статью о социологии Лаврова, которая с историко-социологической точки зрения была значительно содержательнее статей того же А. Гизетти и других ведущих историков отечественной общественной мысли — Г. Шпета, А. Штейнберга, Н. Кареева, участвовавших в совместном сборнике в честь памяти П. Лаврова. Не соглашаясь с многими положениями социологии Лаврова, Сорокин, тем не менее, признавал за ним значение теоретика мирового класса, высоко оценил стройность его общего замысла и отточенность деталей, настаивал на жизненности ряда его выводов (3).

В том же году он написал общий очерк «Состояние русской социологии за 1918—1922 годы», в котором в лапидарной форме подчеркнул важность социологической науки для развороченной войной и революцией России, обобщая опыт личного участия, оценил ее исследовательские организации и преподавание в условиях коммунистической цензуры и идеологического контроля, проницательно предсказал неизбежный её расцвет (4). Любопытно, что первая лекция, которую Сорокин прочитал в Берлине, став эмигрантом, также была посвящена состоянию отечественной социологии.

В 1927 г., находясь уже в США, он предложил американскому профессиональному журналу энергично написанную статью «Русская социология в XX веке», перевод которой и представлен в данном номере альманаха. Сорокин, как и многие другие интеллектуальные представители русского зарубежья, оставался горячим патриотом своей страны, пропагандировал национальные научные достижения. В большинстве своих общих работ и в специальных, посвященных истории социальной философии и социологии, он постоянно подчеркивал ценность вклада Н. Данилевского, Е. Де Роберти, П. Струве, М. Туган-Барановского, Б. Кнстяковского, Л. Петражицкого, М. Ростовцева и других. Публикуемая статья тематически посвящена русской социологии первой четверти XX века — времени ее наивысшего расцвета. В перечислении и оценке школ и направлений русской социологии очень сильны его личные пристрастия, недаром самыми главными из них он считает школу Л. Петражицкого и бихевиоризм, к которому сам примыкал в эти годы. В теоретико-методологической ориентации русской социологии той поры принципиально новым и решающим он объявляет разрыв бихевиоризма с ценностными процедурами, которые по-своему признавали и использовали старые позитивисты (особенно субъективная школа) и неокантианцы. Опора на количественные процедуры должна помочь социологии окончательно освободиться от метафизических проблем (часто даже псевдопроблем) и вывести из теории ее практическое применение.

В тексте обнаруживаются некоторые неточные суждения. Такова оценка неопозитивиста К. Тахтарева как социолога, стремящегося синтезировать формальную социологию Зиммеля с экономическим материализмом. Сорокин многие годы близко знал Тахтарева, оба работали на кафедре социологии Психо-неврологического института, боготворили своих руководителей Е. Де Роберти и М. Ковалевского, позже стали профессорами Петроградского университета и сопредседателями социологического общества имени М. Ковалевского. Тахтарев был назначен Ученым советом университета официальным оппонентом на защите Сорокина и в целом поддержал его «Систему социологии», ибо вместе с ее творцом считал, что подлинно научная «социология должна быть пронизана естественно-научным духом», который может быть обеспечен только количественными методами исследования (5). Как и его учитель М. Ковалевский, Тахтарев с большим сомнением относился к философско-методологическими притязаниям неокантианства. Считаем необходимым специально оговорить этот момент, чтобы у читателей не осталось превратного представления о Тахтареве как поклоннике Зиммеля. Не ясно также, почему Сорокин вынес упоминание работы А. Звоницкой в раздел — «другое направление», ибо она под его руководством и в составе лаборатории «коллективной рефлексологии» усиленно занималась социологией на позициях бихевиоризма. Ему, руководителю этой исследовательской группы, это было известно лучше, чем кому-либо. Может быть, ему не хотелось своей публикацией создавать дополнительные трудности для тех, кто остался в России?

Мимоходом укажем на одну деталь: названия ряда сочинений русских авторов Сорокин, вероятно, воспроизвел в статье по памяти, поэтому в некоторые из них вкрались неточности. Подобные библиографические поправки — это единственное, что мы изменили в тексте.

Позднее П. Сорокин пересмотрел свои теоретико-методологические позиции. В «интегральной социологии» он попытался соединить в единое целое сильные, на его взгляд, стороны позитивизма, антипозитивизма и неопозитивизма. Онтологический, гносеологический и методологический

каркас его нового понимания культуры и личности составили ценности. Что касается бихевиоризма, по мнению Сорокина, его принципы почти не применимы к ценностному миру человеческой жизни, они используются здесь софистически и под «штукатуркой бихевиористической терминологии скрывают свою интроспективную сущность». Т. е. фактически это «псевдобихевиористическая социология» (6). Таким образом, оценки статьи 1927 года окажутся преодоленными его собственной духовной эволюцией. Но так как Сорокин остается самой крупной, ключевой фигурой русской социологии XX века, то даже его старые оценки важны для понимания ситуации в целом.

Когда с конца 50-х годов несколько ослабли тоталитарные удавки, и социологическая наука робко воскресла в нашей стране, у Сорокина вновь пробудился интерес к ее судьбе. Он начинает регулярно просматривать соответствующие публикации в журналах, прежде всего в «Вопросах философии», знакомится с работами Г. М. Андреевой, И. С. Кона, Г. В. Осипова, В. С. Семенова и других, внимательно обдумывает западные труды по русской и советской социологии — Д. Гекера, И. Роучека, М. Лазерсона (кстати, с последним он учился вместе еще в Санкт-Петербургском университете). Сорокин планирует написать большую работу о развитии социологии в нашей стране за несколько десятилетий после его эмиграции. Но этот замысел так и не был реализован, ему помешали болезни. До конца своих дней Сорокин живо интересовался «социологическими новостями» своей родины, радовался растущему интересу к собственным теориям, предлагал наводить мосты между социологами разных стран.

В заключение сообщим один сентиментальный факт. Осенью 1967 г. я закончил диссертацию, посвященную философии истории и социологии Сорокина, в ходе работы над которой возникло желание основательнее заняться историей отечественной социологии. Я написал письмо Сорокину, где просил прислать мне кое-какие его сочинения и оттиск статьи о русской социологии ввиду отсутствия последней в наших научных библиотеках. В двух последующих письмах Сорокин подтверждал отправку посылок с книгами. Я же их не получил. Они попали в спецхран Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Заведующий этим отделом устало слушал мои причитания, мне казалось, что он колебался, но на просьбу вернуть хотя бы оттиск он молча пожал плечами. Именно тот оттиск, который держала рука Сорокина и посылала на родину, получил картонную обложку и был включен в библиотечный каталог отдельной единицей. Учитывая растущий интерес к истории отечественной социологии и культуры, надеемся, что перевод статьи Сорокина введет ее в более интенсивный научный обиход.

1. Дело. 1913. № 313.
2. Кареев Н. И. Основы русской социологии (рукопись), ГБЛ. ф. 119, оп. 38, ед. хр. 17. с. 288.
3. Сорокин П. А. Основные проблемы социологии П. Л. Лаврова // П. Л. Лавров: статьи, воспоминания, материалы. Пг. 1922.
4. Сорокин П. А. Состояние русской социологии за 1918—1922 годы // Новая русская книга. Берлин, 1922, № 10, с. 7—10.
5. Тахтарев К. М. Наука об общественной жизни (социология). Пг., 1919, с. 29, 55.
6. *Sorokin P. A. Sociological Theories of today.* — NY, 1963. pp 526—528.